

ринат валиуллин

не
бойся
быть
собой

— ТЫ НЕ ВИДИШЬ

ОЧЕВИДНОГО!

— А ЗАЧЕМ МНЕ ВИДЕТЬ

ОЧЕВИДНОЕ,

КОГДА Я МОГУ ЧУВСТВОВАТЬ

НЕВЕРОЯТНОЕ!

18+

Ринат Рифович Валиуллин

Не бойся быть собой

Серия «Проза для гурманов»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67935713

Р. Р. Валиуллин. Не бойся быть собой: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2022

ISBN 978-5-17-149238-0

Аннотация

Соображать хорошо на троих, любить на двоих, полагаться на одного, а рассчитывать надо на себя. Уверенность в себе в это беспокойное время – самая необходимая вещь в гардеробе. Хочешь быть уверенным – перестань бояться самого себя.

Тонкий юмор каждой из историй, легкость, самоирония добавят яркости, разгрузят психику, поднимут настроение и, наконец, отвесят волшебный пинок для достижения самых смелых идей.

Это истории, которые случались с каждым из нас: о крушении надежд, о несправедливости мира, о предательстве. Они о том, как на пути к себе послать подальше чужое мнение и показать неудачам средний палец.

Пришло время перестать бегать от себя и научиться принимать все как есть – это лучшее лекарство от иллюзий. Хватит надеяться на будущее. Время надеяться на себя!

Содержание

Прогулка с собакой по берегу моря	5
Няня	21
Бар	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ринат Валиуллин

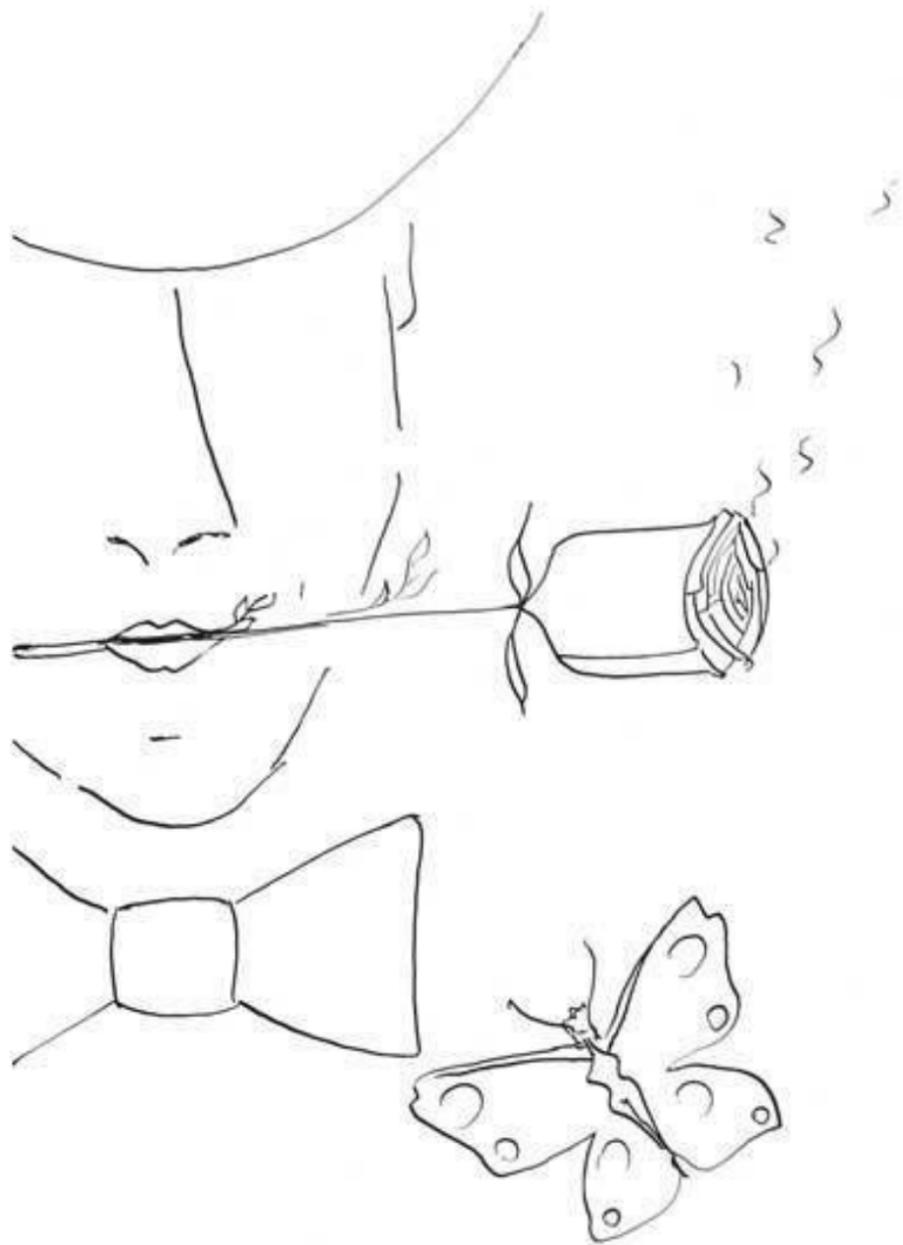
Не бойся быть собой

© Валиуллин Р., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

*** * ***

Прогулка с собакой по берегу моря

Смотреть на море – уже секс. Я лежал на берегу. Было душно. Теплое море омывало ноги. Волны приятно щекотали ступни, то накатываясь, то отступая, оставляя за собой прохладу прикосновений. Неожиданно мои ноги окутала огромная медуза, склизкая и противная. Они пытались от нее избавиться, но тщетно.

Я проснулся, и первое, что увидел – мои ноги лижет здоровенный дог. Полчища мурашек побежали от ног к моей голове, испугавшись чудища.

Голова была тяжелая и набита какой-то ватой, я долго не мог понять, где я, зачем я, с кем я. Постепенно память начала возвращаться, я вспомнил себя вчера вечером в каком-то клубе в компании знакомых и не очень. Было шумно и весело. Мы хорошо разогрелись, и весь вечер я танцевал с милой девушкой, имя которой забыл. Даже собака перестала меня так волновать, как имя. В лучшем случае – я оказался в доме той самой девушки, в худшем, я в конуре, заперт с этой собакой. Я вспомнил про телефон. Стал осматриваться, в поисках своих штанов. Ни одной родной тряпки.

Я лежал один голый в незнакомой постели. Простыни были красивого бежевого цвета, приятные для тела, но мне очень хотелось из них сбежать. Я попробовал втянуть одну ногу под одеяло. Дог недовольно зарычал. Рисковать ногами не хотелось, оставалось ждать. В последней надежде осторожно сдвинулся к краю кровати, вытянул руку и нашарил

на полу свои штаны, достал из кармана телефон.

Был один новый номер, но без имени. Я позвонил:

– Привет.

– Добрый день, – услышал я женский голос.

– Скоро будешь? – бросил я как ни в чем не бывало. – Я тут в постели один, с твоей собакой.

В трубке повисла тишина.

– Вы нашли мою собаку?

– Какую собаку?

В этот момент пес начал недовольно и грозно лаять.

– А почему в постели? Мужчина, это такси, и все разговоры записываются, – уже распирал трубку женский смех.

– Черт, извините, ошибся, – отключил я связь.

Я тоже посмеялся про себя. Потом по инерции открыл чат своих бывших однокурсников. «Мне нужен был звонок другу». Там, как всегда, разговор шел о чувствах, о политике, обо всем подряд. Сначала я просто пытался забыться и скоротать время. Я долго вчитывался в тему, пытаюсь сформулировать свою беду. Краем глаза я поглядывал на собаку, нужные слова не приходили.

БОРИС: Все можно вернуть.

ЖИЗНЬ: Ага. Через суд.

КИЖИ: Страсть через суд. Очень даже можно.

ЖИЗНЬ: Есть вещи, которыми можно пользоваться толь-

ко вместе, они не делятся надвое.

БОРИС: Например?

НУ: Ребенок.

Д: Квартира тоже плохо делится, дача, да все что угодно, если делить уже без любви.

НУ: А разве можно делить по любви?

ЖИЗНЬ: По любви можно только делиться.

МАША: Жена всегда надоест. Через год или через два. Мужчина всегда будет смотреть на других. И это правильно. Это их природа. Про носки. Это я так. А если мужчина поэт, то обязательно должны быть любовницы!

КИЖИ: Женщинам надо быть проворнее и работать на опережение.

НУ: Мне кажется, любовницы в сексуальном смысле способны на большее, чем жены. Вот и весь секрет.

ЖИЗНЬ: Как Дункан?

КИЖИ: Дункан считают матерью стриптиза.

НУ: И музой Есенина.

БОРИС: Почему если муза, то обязательно любовница.

ЖИЗНЬ: Музе нельзя замуж, кухонная плита для нее – все равно что мраморная.

КИЖИ: Станным оказалось окончание их танца. С одной и той же последней буквой в судьбе.

НУ: Его же задушили в «Англетере», насколько я помню.

КИЖИ: А Айседору задушил длинный шарф на шее, который попал в колесо ее спортивной машины.

ЖИЗНЬ: Жесть. Тоже своего рода суд.

МАША: Не верю, чтоб с женой вновь вспыхнула страсть, если только кассету с порнофильмом поставите. Так скукоптица-то со стареющей женой. Правду здесь никто не скажет.

НУ: А я прежде всего за уважение к себе! Надоела жена, остыли чувства, объясняйся, уходи, пробуй! Ищи новую любовь и острые ощущения. Тяжело?! Да! Но честно!

НУ: Поступая так, мужчина остается мужчиной и в глазах жены, и в глазах потенциальных любовниц!

МАША: А ты женат?

НУ: Я поднимался по лестнице эволюции вместе с большинством.

МАША: Жена, работа, ребенок. Выучились, обустроили быт, вроде бы жизнь налаживалась, но стало пресно.

ЖИЗНЬ: Это не лестница, это клетка между этажами.

КИЖИ: Это лифт, который застрял.

НУ: А тут женщина, молодая, с родным запахом. Любовница. Влип, суслик. Любовница всегда желает быть первой.

ЖИЗНЬ: Старшей женой.

НУ: Она все для этого делает, мужчина становится перед выбором. Свои дети или чужие, где и как жить. Жену с сыном на улицу не выгонишь. И начинает лезть вся подноготная. Скоро жена узнала. И начался маникюр. Разборки, истерики. Любовница в капризы. В общем, устал я, захотелось всех послать подальше. Но легко сказать.

ЖИЗНЬ: Как я понимаю.

ЖИЗНЬ: Иногда хочется всех послать подальше, но как только ты узнаешь, что для этого надо будет пойти на почту, отстоять там очередь, купить марки и только тогда послать, чтобы дошло. Только нет никакой гарантии, что до человека дойдет, что ты его послал подальше. Лучше сам уеду, летом, подальше, к морю.

НУ: Точно. Уехал в отпуск. Любовнице – досвидос, с женой каждый вечер то к морю, то в кафешку, то в кино, на танцы. Два года – и раз, дочка долгожданная родилась. Разница между детьми 16 лет.

МАША: Разница между девочкой и мальчиком для отца не в годах измеряется. Скорее, в объятиях. Отцы так любят своих девочек, чаще больше, чем жен.

НУ: Согласен. Я в ней души не чаю.

ЖИЗНЬ: Не чаю, не кофе, не вина. Пить бросил.

НУ: Меньше стал пить, это точно. Мир, блаженство, красота. Только в глазах какой-то осадок, в голубых глазах жены. Будто обмелело море.

А: Женщине трудно окончательно забыть, что ее любимый не только трахал, но и целовал другую женщину, говорил ей ласковые слова, и время здесь уже бессильно. Не лечит, скорее как профилактическое.

Одним глазом я поглядывал на собаку, которая, казалось, дремала, лежа подле кровати. Но стоило мне только сделать движение, тут же грозно поворачивала голову. Никто не

знал, что было у нее в голове. Со стороны казалось, что сигнализация, которая реагировала на изменение объема пространства в комнате. Да, пространства было много – мысль одна на двоих: где хозяйка?

Д: Сколько людей, столько и мнений, у всех своя правда. Живут и живут, а потом бац – и любовница или любовник, и есть положительные результаты, просто люди поздно встретились, заблудились и не с теми решили связать свою жизнь.

ЧАСЫ: Встретить настоящую любовь можно и в зрелом возрасте, и будучи в отношениях, именуемых браком. Никто не спорит. Но не надо путать два разных понятия: «любовница» и «любимая женщина»! С любимой женщиной хочется быть 24 часа в сутки, дышать одним воздухом, быть в радости и горе... Всегда!

П: Что за высокопарный бред, покажите мне женщину, с которой я могу быть 24 часа в сутки. Да она первая задохнется со мной от недостатка кислорода. Я смогу еще продержаться какое-то время на силе воли, но зачем себя так мучить, тем более если собрались жить долго и счастливо годы.

МАША: Я вчера держала его в руках, достоинство. Холодное мужское оружие.

ЧАСЫ: Держите себя в руках.

П: Именно потому что вы постоянно держите себя в руках, вы уже забыли, что это такое. Руки заняты.

П: И держать вы его сможете ровно столько, сколько у него

на вас будет стоять. И речь не только о фигуре, хотя это немаловажно, будет стоять на ваш ум, на ласку, понимание, походку, запах в конце концов.

П: То же самое происходит и у женщины, просто она более терпеливое существо, если ей от мужика будет сносить крышу, то она готова летать сколько угодно. Лишь бы сносило снова и снова...

МАША: Мужчин она делила на три группы: члены, те, кто хотели с ней просто переспать; многочлены, те, которых устраивали свободные отношения; члены предложения, те, кто, не задумываясь, предлагали руку, сердце.

ЖИЗНЬ: Забавная градация, как лестница из трех ступеней.

КИЖИ: Поднялась, опустилась, поднялась, опустилась.

НУ: Одни мужчины – успокоительное, примешь – жизнь становится настолько спокойной, все равно что у покойника, хочется выбраться из могилы, выпить кофе или покрепче, очнуться. Другие – антибиотики, губят все живое, что рядом, ни друзей больше, ни подруг. Весело с витаминами, они жизнерадостные и позитивные, они готовы горы свернуть. Что ни говори, мужчине без женщины трудно, но еще труднее подобрать идеальный рецепт.

КИЖИ: Так что посоветуете, доктор?

НУ: Плацебо. Крепче всего любишь, когда не за что. Надо принимать своего.

МАША: Любовницей довольствуются лишь несколько ча-

сов в день, а то и в неделю, но зато каких! Да. Ее не представишь друзьям, родственникам, коллегам. С ней не пойдешь открыто в театр или в кино так. Любовница – это что-то временное, непостоянное, тайное... Это как вклад в банке. Он есть, но о нем никто не знает. Может в любой момент «лопнуть» и подвержен инфляции, т. е. обесценивается с каждым днем. Да, в один прекрасный момент лопнет ее терпение, но пока ей нравится эта тайна.

МАША: Принцип многих молодых девушек.

КИЖИ: Принц! принц! принц!

КИЖИ: А принцип многих женщин за то, что они так долго ждали и не дождались принца: приз! приз! приз!

МАША: Согласна, сама ждала лет до двадцати пяти.

КИЖИ: Дождалась?

МАША: Знаешь, в чем разница между принцем и Новым годом? Новый год точно придет.

НУ: Как я люблю этот праздник.

КИЖИ: Новый год не праздник, а одна из форм ожидания.

МАША: В 25 вышла замуж, оказался не принц. Лучше быть счастливой любовницей, чем несчастной женой.

ЧАСЫ: Вы что же, считаете, что все жены несчастны? Ну это же так унижительно быть любовницей, знать, что тобой только пользуются. Ночью ложиться в холодную постель и обнимать подушку, понимая, что в этот момент он со своей женой.

МАША: А лучше, чтобы муж приходил от другой и жена принимала его в теплую супружескую постель и делала вид, что «семья»?

ЧАСЫ: Любой мужчина – самец и собственник, даже при условии своей полигамности! Такая уж у них природа! Каждый ищет идеальную. Но среди нас больше порядочных, чем идеальных.

МАША: Она была счастлива, когда он ей дарил золотые слова, пока не узнала, что любовнице он дарил золотые изделия.

ЧАСЫ: Мне в принципе не понятно выражение «Счастливая любовница»... Как она может быть счастливой, если она просто любовница?

МАША: Легко. Если любима, то легко.

ЧАСЫ: Золотом мужчина откупается, когда не может дать большего! Любви, внимания, теплоты, заботы.

КИЖИ: Девочки любят сказки. Никому не нужны чужие заботы.

МАША: Я никогда не цепляюсь ни за мужчину, ни за его любовь... Я для этого слишком самодостаточна. Максималист в некотором роде. Мой мужчина знает, что если чувства остынут – дверь всегда открыта!

КИЖИ: Не открывайте дверь, и чувства не остынут.

МАША: Мне останутся приятные воспоминания, а я буду «открыта» для новых отношений!

КИЖИ: Вторжений.

НУ: Что еще нужно для одиночества? Приятные воспоминания. Сиди потом долгими зимними вечерами, грызи с чаем это печенье.

ЧАСЫ: Особенно понравилось выражение: «Мой мужчина всегда знает, что если чувства остынут – дверь открыта!», словно собаке говорят: «Место!».

МАША: Тебе, как любящей жене, конечно, приятнее, когда говорят: «Рядом!»

КИЖИ: Девочки, хватит собачиться.

МАША: Мы все четвероногие друзья, когда подходят сзади.

Наконец, я воспользовался контекстом и вставил свое веское слово:

Л: Всем привет, я немного не по теме, кто знает, что делать в незнакомом доме, с незнакомой собакой?

КИЖИ: А ты где?

ЖИЗНЬ: Каждая любовница желает знать, в ком живет ее муж.

КИЖИ: Это из какого романа?

МАША: Нет ни одного приличного романа о любви без участия любовниц. Как можно без них?

В: Зато сколько неприличных.

МАША: Знаете, без убийц тоже не было бы ни одного детектива.

Л: Я серьезно. Может, кто-то знает, что делать.

ЖИЗНЬ: Роман сам по себе подразумевает присутствие любовницы. А что за порода?

БОРИС: У любовниц тоже есть породы?

ЖИЗНЬ: Другое дело, дорастет ли она до жены. И нужно ли ей расти в эту сторону?

КИЖИ: Кажется, теперь мы о Марлен Дитрих. Леня, я бы на твоём месте просто сидел и не двигался. Время все вылетит.

В: А если потихоньку свинтить.

Л: Ты бы слышала, как она лает. Баскервиль отдыхает.

МАША: Почему бы и нет, если у нее прекрасный голос.

В: Я запутался, мы про собаку или про Дитрих?

ЖИЗНЬ: Может, и кофе она варила отменный.

КИЖИ: Не думаю, столько любви, не до кофе.

В: Точно, Леня, попроси ее сделать кофе, а сам штаны в зубы и беги.

Л: Она бежит в 100 раз быстрее меня.

КИЖИ: От собак убежать нельзя.

ЖИЗНЬ: Все равно догонит и съест, если ты вкусный.

Л: Невкусный. С утра я очень невкусный.

ЖИЗНЬ: Что вчера пил, сухое?

Л: Если бы, и сухое, и крепкое, и даже шампанское.

В: Мы говорим о сухой морали будто о сухом вине, в то время как нами руководят чувства. Они, как губернаторы в разных областях нашего тела, пытаются наладить жизнь, сде-

лать счастливыми. В этом их ошибка. Налаживай не налаживай, чини не чини, все равно ломаются, сомневаются. Благо есть мозг.

ЖИЗНЬ: Парламент, где заседают нейроны.

В: По крайней мере, мозг как-то может влиять на чувства. Иногда им удается договориться. И наступает короткий оргазм.

КИЖИ: Леня, попробуй с ней договориться.

Л: Сложно. Она лижет мои ноги.

КИЖИ: Тогда расслабься и получай удовольствие.

МАША: Какой-то канцелярский язык. Оргазм – это же не просто отчет о проделанной работе с доставкой удовольствия.

КИЖИ: Любовницы были у всех, тот случай, когда паре чего-то не хватает и, кажется, нужен третий, который все наладит.

ЖИЗНЬ: Леня, может, этот пес и есть тот самый третий?

Л: Не уверен, но пытаюсь разобраться.

В: Вы похожи на человека, у которого были оргазмы. Расскажите, как это?

Л: Все, что я понял, надо просто расслабиться.

КИЖИ: Я знаю об этом не понаслышке.

ЖИЗНЬ: Докажи.

КИЖИ: Я живу в 69-м доме в 69-й квартире.

В: Ладно хоть не в 69-м году.

ЖИЗНЬ: 69 – любимая игра Казановы.

КИЖИ: И не только.

ЖИЗНЬ: Да-да. Не только игра. Образ жизни.

Было понятно, что с нашими однокурсниками каши не сварить, они сидели на своей веселой волне. Им было до лампочки. Прошло какое-то время, ноги даже начали понемногу привыкать к ласкам, когда, наконец, псу надоело, он широко зевнул и растянулся в двух метрах от кровати. Я сразу же спрятал влажные ступни под одеяло.

Спать уже расхотелось. Понятия не имел, куда могла деться хозяйка. Дог лениво наблюдал за мной, разлив свою огромную морду по полу. Мне дико хотелось отлить. Когда я начал медленно подниматься, пес наострил уши и дал предупредительный, пролаяв три раза. Пришлось снова замереть. Ожидание стало мучительным, совсем не то, что ожидание свидания: там, по крайней мере, можно уйти.

Не знаю, сколько прошло времени, как мне показалось – целая эпоха, когда собака вскочила и радостно побежала к входной двери.

– Куда ты ходила в такую рань? – прикинулся я своим парнем. Сомнений не было, это была она, девушка из клуба. Сегодня она мне показалась еще более милой. Роль спасительницы ей явно была к лицу.

– За завтраком. Любишь булочки с корицей? – протянула она мне на мгновение серый бумажный пакет. Запах свежего

хлеба растрогал мое сердце. Потрепав своего дога, девушка поцеловала его в морду.

– Меня бы хоть раз так же крепко поцеловала.

– Тебя-то за что?

– А собаку?

– Она же животное.

– Думаешь, во мне этого мало?

– Не знаю. Вчера... тебяхватило только на прелюдию.

– Не может быть.

– Ехал в такси, еще был в форме. А дома уснул.

– А почему мы к тебе поехали?

– Ты разве не помнишь? Ты же сказал, что у тебя ремонт.

– Ах да, это правда, ремонт. Надо же было так набраться.

– Ты чего такой хмурый с утра? – присела она ко мне на постель.

– Твоя тварь чуть ногами моими не позавтракала. Просыпаюсь, а она мне ноги слюнявит.

– Понравилось?

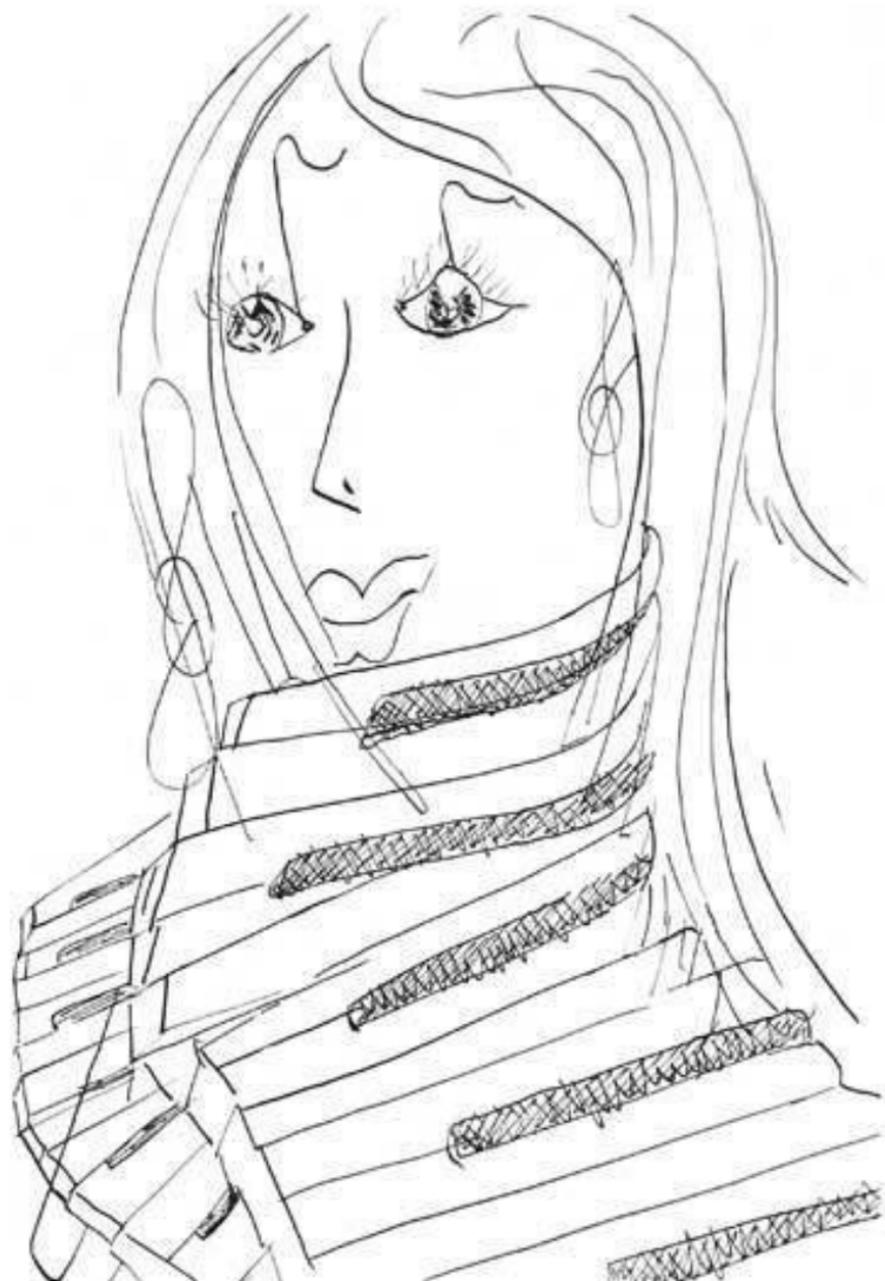
– Ты у нее спроси.

– А тебе?

– Я в туалет хочу.

– Испугался? Это не тварь, это Туз. Да он с виду только такой грозный. Не бойся, иди.

Няня

– Тебе чай или кофе?

– Лучше солнца налей.

В комнате пахло супом, Камила сидела в самом эпицентре одиночества в душегубке быта с телефоном в руке, жадно-рыжее солнце лаяло на нее в окно, будто его кто-то натравил. «Развернуть бы этот газ в профиль, – усмехнулась она, – жаль, что у шарообразных нет профиля, как нет и лица». Она встала и задернула занавески, впустив тень в комнату. Если бы ее спросили в этот момент, о чем она размышляет, вряд ли бы Камила смогла это сформулировать, она думала о своем, для нее это и было медитацией. Мысли – жевательная резинка извилин, а выплюнуть – значило сконцентрироваться. Сейчас ее точкой зрения была муха, которая карабкается по вертикали стекла. «Даже у мух есть крылья», – подумала Камила, когда неожиданно это откровение вспугнул звонок телефона. Это была очередная эсэмэска от мужа, своими тривиальными сообщениями он пытался поддержать настроение Камилы. Так они и общались, что-то мешало их общению, может быть, запах супа, который перебивал аромат романтики.

– Выгляни в окно, вот тебе солнце.

– Да, вижу, спасибо. Вот еще что: я завела черепашек. Я тебе отправляла фото. Правда, милые?

– Так это твои? Когда ты все успеваешь?

– Пока гуляла с Машей.

– Тебе что, тараканов в голове не хватает?

– Не трогай моих тараканов, а то натравлю.

– Хорошо, поговорим тогда о чем-нибудь высоком. Ты серьезно завела черепах?

– Шутка.

– Уф, отлегло. С легким сердцем продолжаю о высоком.

Ваши глаза – чудесная книга.

– Вам понравился сюжет или оформление?

– То, что она не из библиотеки.

– Я никогда не знакомлюсь в метро.

– А в интернете?

– Не вижу разницы.

– В смысле?

– Если не понравится, придется выходить раньше времени.

– Так ты можешь его потерять.

– Ты не сахар.

– Я даже не подарок.

– Кто же ты?

– Я твой муж.

– Ты уверен?

– Да, у меня даже есть кольцо.

– Еще есть аргументы?

– Если встретил свою женщину, непременно женись, даже не думай.

– Как же обрести уверенность, что она твоя?

– Для этого и надо жениться.

– И тебе не страшно? Второй раз на те же грабли?

Может, не стоит повторяться?

– Не стоит повторяться, только в одном случае: если речь идет об ошибках.

– Значит, ты уже должен понимать, что такое счастье семейной жизни?

– Входишь в подъезд, в квартиру, в тапочки, на кухню, в тепло, в жену. Если при этом ты не ищешь выхода, значит, ты счастлив.

– А ты, значит, искал.

– Я его нашел.

– Я не хочу быть выходом.

– Ты будешь моим вдохом.

– Скажи еще выдохом. Хорошо, ответь мне на один коварный вопрос. Что такое настоящий мужчина?

– Это когда женщине можно больше ничего не делать. Просто любить.

– Ты думаешь, это просто?

– Я устал думать. Кофе выпьем?

– Кофе? Это все, что ты можешь сделать для своей жены?

* * *

Не все, конечно, это было не все. Я сделал ей предложение, мы поженились, а через год у нас появилась дочь.

Этим утром она разбудила нас, как всегда, в 6.30, как по будильнику. Она что-то весело кричала на своем, держась за бортик детской кровати.

– Я хочу тебя прямо сейчас, – обняла меня в постели жена.

– Маша, отвернись, – рассмеялся я вслух. – Мама меня хочет.

Жена вяло усмехнулась шутке:

– С этими детьми никакой личной жизни. Знаешь, мне приснилась сегодня, как я качу коляску, а там двойня, две дочери.

– Ты не беременна?

– Испугался?

– Нет.

– А я испугалась. Тут бы с одной справиться. Тебе-то хорошо, сейчас уйдешь на работу, а мне здесь жить. Я уже сто лет никуда не выходила.

– Давай сегодня сходим куда-нибудь.

– Куда?

– Хотя бы в ресторан. Немного отвлечешься.

– С Машей? Нет, это будет не отдых, а мучение. Лучше я дома умру.

– Ну тогда придумай, кому мы оставим нашу дочь.

– Маме? Легче няню нанять, чем с ней договориться.

– Я тебе давно об этом говорил. Ты же меня не слышишь.

Сама, все сама.

– Иначе никакой личной жизни. Я уж готова на все. Знал

бы ты, как я задолбалась. Я чувствую себя гувернанткой в этом доме, да что там в доме, в этой жизни. Как только родилась Маша, приготовь, накорми, убери, задницу поймай, одежду постирай, погладь.

– Вот-вот, все чувства уходят в белье. Это вместо того, чтобы гладить меня, – усмехнулся я.

– Сейчас кого-нибудь найдем. У нас же много компаний, которые этим занимаются.

– Компаний много, порядочных людей мало. Ребенок же должен как-то привыкнуть к няне.

– Будет привыкать по ходу.

– Вот, нашел.

«Мы подберем вам няню с учетом ваших пожеланий. В нашей команде работают девушки, женщины, педагоги со стажем», – прочел я вслух.

– Дорого?

– Не знаю, цены разнятся, я бы за такие деньги точно не стал сидеть. На, выбери сама, кто тебе понравится, я пока пойду побреюсь.

– Как тебе имя Анастасия? – через пару минут кричала она мне из спальни.

– Отличное, – отвечал я ей из ванной.

– У тебя были Насти?

– Не знаю, нет, точно не было, – снимая станком пену с подбородка соврал я, чтобы не развивать дальше тему прошлых «любвий и любят». Лезвие зацепило кожу и малень-

кое красное пятно растворилось в пене дней.

– Отзывчивая, добрая, позитивная. С высшим образованием и опытом работы. Как тебе?

– То, что надо.

– Симпатичная, в такую можно и влюбиться.

– Если ты обо мне, то я пас.

– Тогда на вечер вызываю, часа на три. Ты в 15.00 будешь уже дома?

– Да.

– Вот и познакомишься. Скажу маме, чтобы посидела немного с ними, показала, где что лежит, чтобы малышка успела хотя бы немного привыкнуть.

– У малышки крыша не поедет, такая смена поколений.

– Лишь бы у воспитателей не поехала.

Скоро приехала мама. Это стоило большого труда. Тещи и свекрови не спешили становиться бабушками. Камила с трудом договорилась со своей матерью, что она посидит сегодня с Машей до приезда няни.

Я давно заметил, что утром время летит быстрее: его за просто можно проспять, а если ты даже вовремя встанешь, то его катастрофически не хватает. Вечером, другое дело: время растягивается до таких размеров, что никогда не удастся пораньше лечь спать.

Мы не выспались и уже сидели пристегнутые к креслам, словно пассажиры утреннего рейса, были готовы к полету.

Когда Камила вела машину, я чувствовал себя английским водителем при левостороннем движении, только без руля и педалей. В критические моменты я нажимал на последние, а их не было. За рулем сидела жена и успокаивала меня. Я старался не нервничать по пустякам. Плохой из меня инструктор. Она давно не садилась за руль, я давно не был пассажиром, и это было заметно. Казалось, все замечали это. Вот и светофор подмигнул зеленым глазом.

– Тормози, – шепнул я.

– Может, успеем? – давила на газ Камила.

– Того не стоит.

– Как скажешь, – нажала она на тормоз. Машина встала как вкопанная, но мы еще двигались по инерции внутри нее, пока нас не остановило ремнями безопасности. – Могли бы успеть, – извинилась Камила. На углу застыл постовой, он взял власть в свои руки на этом участке, по которому должна была проехать настоящая власть, с мигалками, с эскортом, именно так она подкармливала всех остальных, кроша им с барского стола пусть маленькую, но власть, по сути, подсаживая всех на нее, на ту, на которой и сами они сидели.

– Теперь ждать, неизвестно сколько.

– Шесть лет.

– Уже меньше.

– А может, и больше.

– Я так на работу опоздаю.

– Работа для того и существует, чтобы опаздывать.

– Послушаем погоду пока, – прибавил я звук радио.

– Она непослушна, – играла словами жена. Это означало, что настроение ее поднялось до нормы. Наконец, власть проскочила, полицейский нажал нужную кнопку и смыл всех в одну канализацию. Народ двинулся вслед за имущими.

– Здесь можно правее, высадишь меня на светофоре, – попросил я Камилу.

– Мне страшно... дальше одной.

– Ты должна научиться ездить одна, пусть до первого перекрестка, но одна. Шучу. В любом случае парковаться там будет легче, возле универа.

– Я поняла, главное в жизни – найти свою парковку.

– В смысле?

– Мне уже страшно. Я же совсем не умею сдавать задом.

– Я бы так не сказал.

– Да пошел ты!

– Уже ухожу, – захлопнул я дверь и оставил с трафиком наедине, а сам еще пару остановок стеснялся в метро.

– Несколько теплых слов, пара его поцелуев, одни крепкие объятия, я вооружена до самого вечера, – произнесла Камила как скороговорку, не спуская глаз с красного, поцеловала меня в щеку, не думая, всей ею сущностью уже завладела желтый свет и коробка передач.

В вестибюле метро было по-утреннемулюдно. Будто небольшая революция, восстание спавших. Они торопились взять в свою власть почту, телеграф и банки. Я тоже потол-

кался, нехотя, будто для галочки. Эскалатор подбросил меня до платформы. Внизу восставших было еще больше, я оставил за собой в толпе тоннель, который, словно рана на молодой коже, быстро затянулся, зарос людьми, заполнился болтовней. Та, в свою очередь, затянула меня в вагон подлетевшей с гулом электрички. Внутри душновато, пахло людьми. Люди – как горы, они свой климат устанавливают: одни задерживают любые циклоны, и за ними солнечно всегда, другие продуваемы со всех сторон, от таких сквозит одиночеством. Сквозь открытые форточки махал на всех неутомимым веером ветер. Будто за стеклом роза ветров, одна на всю вазу.

– Добивайся поставленных целей, йелец хыннелватсоп ясйавибод, а потом уже покоряй, делай детей, а не поделки, – читал я туда и обратно, покачиваясь в вагоне, на плакате, что висел рядом со схемой метро.

* * *

– Настя? Ты? – увидел я до боли знакомую девушку. Правильные черты лица, нос с горбинкой. Яркие, карие, искрящиеся глаза, волосы шелковые, теплые, густые, будто сумерки летом, растеклись по плечам блестящей на закате рекой. Худые ключицы, которые навечно врезались мне в память. Бесконечные изящные сильные руки, которые держали на руках мою дочь.

– Тимур? – блеснула острой гранью гречка в ее глазах. Она сильнее прижала ребенка к себе, будто ему грозила какая-то опасность.

– Как ты?

– Как видишь.

– А почему няней?

– Мне нравится. Своих же Бог не дал.

– В смысле?

– А вот и Тимур, – получил я вместо ответа поцелуй в щеку от тещи, которая неожиданно вышла из ванной. – Я уже объяснила Насте, где что лежит. Так что ты можешь ехать, вы же с Камиллой куда-то там собирались идти погулять. За малышку не беспокойтесь. Я еще здесь побуду немного.

Она оборвала наш диалог и стала ждать, пока я оденусь и выйду.

– Хорошо, тогда до вечера, – посмотрел я на Настю. Няня перевела взгляд на Машу и выдала на автомате: – До вечера. Думаю, до вашего прихода я уложу ее спать.

* * *

Настя лежала в кровати и ждала звонка от Тимура, не зная, как ей уснуть. Врач советовала спать на левом боку, «так плоду будет спокойнее», засунув между коленок подушку. Что-то ее беспокоило. Она старалась не волноваться, только по существу, возможно, Тимур задерживался.

Существо сопело в углу спальни, прикрыв лапами морду. Настя встала, накинула халат, глянула на Джека. Ей хотелось его окликнуть, посмотреть, как вначале вскочат уши, а потом уже выглянут глаза. Но ее волновало совсем другое. Каждый вечер. Она никак не могла себе признаться, что Тимур больше не придет.

Настя промолчала, выскользнула из спальни на кухню, где, не включая света, подошла к окну и глянула в ночь... Многие окна еще не спали. В воскресенье вечером все задумываются о счастье, видимо, сказывается конец недели. Кто-то переваривает субботу, другие не переваривают понедельник. Вопрос счастья по-прежнему открыт, как форточка, в которую можно увидеть звезды, а можно просто курить. Тело хотело спать, а душу все куда-то несло. Она, беспокойная, металась от бокала красного к телефону и обратно, потом начинала искать сигарету, но тут же вспоминала, что бросила... что нет больше с ним никаких отношений. «Но ведь это тело бросило, я-то душа, я же так резко не могу. Как бы я ни была открыта, я не могу всем отвечать взаимностью, у меня ее ровно на одного человека».

Она постоянно просыпалась, услышав во сне звук домофона, затем лифта в ночи и, наконец, громкий, как в микрофон, железный голос ключа, будто шустрая рыбка, помогая себе металлическими плавниками, пробралась из замочной скважины в самое сердце.

Утро застало меня врасплох. Сквозь прохладу неба вы-

шло солнце, словно кто-то достал апельсин из холодильника. Тот был яркий, холодный, осенний. Я зарядила свое утро чаем, мне показалось слишком крепко, разбавила молоком, включив телевизор. Все равно чувствовалось, что чего-то в нем не хватает, какого-то сахарного звонка.

Сделала глоток и посмотрела на экран:

– Меньше всего я хотела, чтобы ты в меня влюбился, – камера взяла крупным планом девушку.

– А я? – тарасился на Настю мужчина.

– А ты уже поливаешь мои кактусы и кормишь мою кошку. Мне требуется мужчина, а не тряпка.

«В понедельник он требуется как никогда. Это выходные можно провести и с тряпкой, в понедельник совсем другое дело. А его, мужчины, нет. Может, надо было варить кофе?» – задумчиво черпала ложечкой чай Настя.

* * *

Камила подобрала меня у метро, мы доехали до центра, бросили машину, сами пошли гулять, не имея какой-то определенной цели.

– Ну и как? Ты чувствуешь эту легкость?

– Какую?

– Бесчувственный. Ну как же. Свобода! Не надо толкать коляску, не надо откликаться на чьи-то капризы! Наконец-то можно побыть собой.

– А, ты про это! – все еще крутилась у меня в голове Анастасия. – Ну конечно, – обнял я Камилу.

– Ты как будто не здесь, не со мной. Ау! Проснись! Посмотри на меня, посмотри вокруг. Видишь?

– Да. Что именно?

– Какое красивое здание, что-то я его раньше не замечала, – задрала голову вверх Камилла.

– Театр кукол, – проходили мы сквозь толпу людей, что мирно болтали и курили у дверей.

– Тогда понятно, почему не замечала.

– Видимо, первое отделение закончилось, антракт. Может, зайдем?

– Я с детства не люблю кукольные мультфильмы. К тому же у нас нет билетов.

– Надо бороться с детскими комплексами. Пошли, мы всегда так ходили раньше.

– А я не ходила, училась, как проклятая. Хотя не могу сказать, что это было неинтересно.

– Филологическая дева. Ты такая умная! Наверное, хорошо училась?

– Да, на собственных ошибках.

– Ну, так мы идем, – взял я за плечи Камилу и потянул ко входу, который уже потихоньку засасывал зрителей.

– Я не люблю авантюры, – все еще препиралась Камилла, хотя ей очень хотелось совершить какое-нибудь крошечное преступление, за которое не посадят, даже не поставят

в угол.

– Просто ты не пробовала.

– Верно, вдруг понравится.

– Даже не сомневаюсь. С преступлениями – как с чувствами, они сильнее нас, от этого страшно интересно.

Места были далеко от сцены, когда свет начал садиться, мы перебежали в первый ряд, где я давно уже заприметил пару свободных кресел. Зрители в театре – словно яйца в одной безразмерной бархатной подложке. Яйца в театре вылуплялись дважды, в антракт и по окончании. В этот момент рождалась публика, она начинала щебетать и хлопать крыльями, словно пыталась взлететь.

Главная героиня, как и подобает главной, влюблена безответно. Кукла прекрасно вжилась в роль. Полные эмоций глаза и пронзительно добрый голос. По ее искренней улыбке было видно, что она отчаянно ищет позитива при полном крушении надежд. Она общалась с близким другом, настолько близким, что о сексе не возникало даже и мысли, ему она была готова выложить всю свою жизнь. Потому что тот был женат, а значит, не опасен.

В антракте мы ели мороженое:

– Что нас может объединять? Мы такие разные.

– Главное у нас общее.

– Что именно?

– Закрой глаза, скажу.

– Ну, закрыла.

– Теперь открой рот.

Я положил Камиле за губы полную ложку мороженого.

– Догадалась?

– Мы оба любим шоколадное мороженое, – заулыбалась

Камила, растворяя во рту прохладное блаженство.

– Как тебе спектакль?

– Модель идеальной женщины.

– Да. Сильная женщина, глядя на таких, не хочется ставить на себе крест, – смотрела, как тает мороженое, Камила. Потом ложкой подбирала разводы.

– Любить – как это сложно, когда уже обломали.

– После такого быть любимой уже расцениваешь как большую удачу. А влюбиться, как эта девушка, и подавно.

– Знаешь, есть такой психотерапевтический трюк, когда одну привязанность заменяют другой, ну, к примеру, наркоманов подсаживают на чай или йогу. Он так же остается в плену зависимости, но уже другой. Или другого, как в этом спектакле героиня.

– Ну, да. То есть наркотики, алкоголь, табак – это просто способ избавиться от своей независимости? – вытерла салфеткой шоколадные следы с губ Камила.

– Или замужество, тоже своего рода привязанность или начальная стадия зависимости. В общем, привязанность – это такой поводок, который, в лучшем случае, привязан к конуре, в худшем – к столбу.

– Я не говорю о бытовой. Ты не понимаешь, что такое на-

стоящая привязанность. Если раньше я пила из его рук при каждом прикосновении, то теперь бухаю из них и не могу остановиться.

– Значит, у вас уже отношения?

– Несомненно, у нас с тобой отношения. Я пытаюсь строить, а получается только городить.

– Да погоди ты строить отношения, для начала надо разрушить устои.

– Мне не хочется ничего разрушать. Любить хочу, как в последний раз.

– А мне бы хотелось, как в первый.

– Ты понимаешь что-нибудь своим женским сердцем?

– Не-а.

– Я тоже, – посмотрел я на соседку справа, бабушку лет семидесяти, которая впитывала внимательно каждую реплику губкой своих милых морщин. На коленях у нее лежала программка. Я стал изучать скрупулезно бумажку, пытаюсь разобрать буквы. Бабуля посмотрела на меня, потом поправила юбку. Я попросил у нее буклет, одним кивком головы:

– Что? – зашипела сконфуженно старушка.

– Вы не так меня поняли, мне бы программку.

– Все я поняла, – улыбнулась мне сама ее мудрость.

Я уткнулся носом в историю спектакля: «История этого кофе началась в интернете. Стоило ему только налить мне на экран свое приятное мужское лицо, как оно тут же меня пленило. Не могу сказать, что он был красавцем, но встре-

титься сразу захотелось. Кофе варился месяц, а может быть, даже больше. И вот пришло время разлить его по чашкам, то ли для того, чтобы обжечься, то ли для того, чтобы заказать что-нибудь покрепче».

Я промотал глазами в потемках скучный текст пьесы до последнего абзаца: «Она никогда раньше не сталкивалась с такого рода жестокостью: долго всматривалась в его глаза. Там больше не было ничего такого, что могло бы ее любить».

Потом я передал историю Камиле. Она тоже не нашла там ничего нового.

После театра мы прошли еще несколько улиц.

– Ну что, няня там уже, наверное, заждалась. Поедем? – повернул я жену в сторону машины, в сторону дома.

– Да, конечно! – все еще не могла надышаться свободой жена.

Дома – как в кафе. Камила была разговорчива. Чувствовалось, что запах свободы вскружил ей голову не на шутку. Няня уже уложила малышку спать. Камила настояла на том, чтобы Настя выпила с нами кофе. Я заказал столик на троих. Стол был круглый. Если Настя сидела на без пятнадцати девять, то Камила была пунктуальна. Я опаздывал. Все опоздания от неуверенности: глядя на Настю, было понятно, что она уже давно хотела детей, а я безнадежно отстал, между нами был космос. Я был женат на другой планете.

Бар

В это воскресенье она простила всех, даже тех, кто не позвонил вчера. Именно эта фраза читалась на лице молодой женщины, которая села за стойку, глядя сквозь меня, человека, который, как ей показалось, тоже случайно оказался здесь. Это было отчасти правдой: едва началась новая сессия, я устроился барменом в небольшую забегаловку в самом центре города. Работа была по большей части ночная и не требовала специального образования, разве что психолога. В тот день или, точнее сказать, ночь было полнолуние. Я бы не обратил на это никакого внимания, если бы не напарник, который всегда была запарен на звездах, он всегда знал, какая из них куда пошла, куда встала и зачем. Знал, когда вспыхнет и когда упадет. И как ее последний вздох отразится на человечестве, особенно на нем. По знаку он был Раком, поэтому новые открытия его пугали немного, и он частенько пятился назад, прячась за стойкой от назойливых посетителей бара, особенно от тех, кто заказывал к пиву раков. С некоторых пор я знал про Раков все. Чем больше я с ним общался, тем больше понимал, что этому никогда не быть омаром. Как ни крути, люди – это большие и маленькие планеты, которые светятся благодаря звездам.

В понедельник в баре пустынно, несколько завсегдаево переживали первый трудный день недели. Люди заходили сюда расслабиться, послушать живую музыку, даже потанце-

вать. Мне было скучно, я стоял и натирал бокалы, когда, как я уже говорил, за стойку села девушка в легком летнем плаще, в темных очках и косынке.

Она посмотрела на меня сквозь очки и заказала кофе и виски. По ее странному поведению было понятно, что она не хочет быть узнанной, чем еще больше привлекала к себе внимание. Я подал ей виски, а потом она улыбнулась мне.

– О боже! – воскликнул я. – Это же Вы?

Девушка отвела глаза и спрятала их в бокале, где в виски плавал кусок льда. Будто тот должен был охладить ее румянец.

– Не могу поверить своим глазам.

– Как вы меня узнали?

– Вашу улыбку невозможно забыть, я узнаю ее среди миллионов других! – Всем своим видом я изобразил радость, что такое захолустье посетила женщина моей мечты.

– Какой вы любите кофе?

– Крепкий.

– Я сварю вам бразильский, средней прожарки. – Зерна затрещали в кофемолке.

– Чувствуете?

Воздух тронул аромат свежемолотого кофе. Девушка сняла очки и окатила меня своим холодным космическим взглядом. Масштаб ее одиночества можно было понять только оказавшись на земле, ночью, глядя на далекую планету, у которой не было даже своего света, она отсвечивала чужим,

арендованным у какой-то звезды.

– Понедельник наступил, а новая жизнь так и не началась.

Где море, кофе, где любящие меня люди?

– Еще кофе? Сейчас сделаю.

– Спасибо. Я в фигуральном смысле. Хочется расслабиться, а ничего не помогает, понимаешь?

– Конечно. В баре все хотят расслабиться.

– Это все не то. Сменив трех мужчин за неделю, я поняла, что это точно не про меня и не для меня...

– Ого! С виду вы не похожи на девушку легкого поведения.

– Я про мужчин-пустозвонов.

– Представляю эти творческие муки.

– Это было вчера. И я их всех простила.

– Воскресенье – хороший день для прощения. Простил и забыл.

– Да, я знаю. Простить – лучший способ больше не общаться с этим человеком, ни мысленно, ни наяву. Но сегодня уже понедельник, – бросила она телефон, который держала все это время в руках, небрежно на стойку. – Есть вещи, которые я принимаю, они являются частью моей жизни; есть вещи, которым я уже не нужна, но я все еще храню их в гардеробе; в этом случае выходов два – либо я избавляюсь от них, либо они от меня. Ну и, наконец, есть вещи, о которых я хочу говорить. Но когда речь заходит о любви, я вообще не знаю, что сказать, с одной стороны, любовь – это вещь, ко-

торую ты постоянно пытаешься на себя натянуть, даже если она тебе не идет. С другой, тебе ее сложно потом снять, потому что невозможно купить новую. Любовь не продается. Я просто счастлива, что могу ее носить. В общем, я простила всех, кроме одного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.